

— Твоя юность — это драки, попойки да лазанье по заборам, не иначе, — Пэй Янь несильно хлопнул Чжоу Дафэя по макушке свернутым в трубку блокнотом. — Вставай давай!

Чжоу Дафэй поджал губы и неохотно поднялся с пола.

— Учитель, я...

— Поменьше слов, — Пэй Янь прижал два пальца к его губам, пресекая возражения. — Думаешь, я не знаю, о чем ты сейчас печешься? Всё из-за «Лимонной прохлады». И что, первая же неудача выбила тебя из седла?

— Да нет же, — попытался возразить Чжоу Дафэй, но из-за прижатых к губам пальцев слова вышли невнятными, смазанными.

Он решил больше не влиять и решительно отвел руку Пэй Яня от своего лица.

— Дело не в том, что я боюсь проиграть. У меня просто нет творческого аппетита к этому сценарию. Душа к нему не лежит, понимаешь?

— Я еще вчера тебе сказал: это признак дилетантства, — спокойно парировал Пэй Янь. — Если ты намерен сделать режиссуру своей профессией, тебе придется переступить через это «не хочу».

Чжоу Дафэй выдержал его взгляд. Молчание затянулось, прежде чем он тихо спросил:

— Учитель, так это и есть твой первый урок?

— Не совсем то, что я планировал, но можешь считать и так, — Пэй Янь небрежно бросил блокнот на журнальный столик и коснулся ладонью щеки Чжоу Дафэя. — Разве не ты сам твердил, что ради мечты готов пожертвовать всем на свете? Я тебя за язык не тянул.

Чжоу Дафэй долго хранил молчание, но его взгляд постепенно обретал утраченную твердость. Пэй Янь видел, как в его голове укладываются эти мысли. Сяо Чжоу принял неизбежное. Он решил подчиниться.

Чжоу Дафэй обладал редким упрямством — если он за что-то брался, то расшибался в лепешку, но доводил дело до конца.

Пэй Янь мысленно улыбнулся с оттенком гордости, однако лицо его осталось бесстрастным.

— Довольно. Собирай свои пожитки и топай в мой кабинет. Раз уж в одиночестве ты только и

делаешь, что витаешь в облаках, мне придется лично приглядывать за тем, как ты набрасываешь раскадровку.

Чжоу Дафэй не в первый раз переступал порог кабинета Пэй Яня, но впервые оказался здесь ради «работы».

Разумеется, в кавычки это слово бралось потому, что на этот раз под ним не подразумевалось исполнение постельных обязанностей.

Обещание Пэй Яня «лично контролировать процесс» свелось к тому, что он просто усадил парня под боком и занимался своими делами, не вмешиваясь без нужды.

У Чжоу Дафэя уже раскалывалась голова от «Лимонной прохлады». Ему безумно хотелось изодрать этот дурацкий сценарий в клочья и силой скормить его Пэй Яню.

И всё же его детские успехи не были случайностью.

Чжоу Дафэй обладал упрямством, граничащим с фанатизмом. Примостившись у журнального столика, он вгрызался в раскадровку. Нажим карандаша становился всё яростнее, словно парень яростно бился не на жизнь, а на смерть с лютым врагом посреди ледяной пустоши.

Пэй Янь устроился неподалеку, разбирая документы. Время от времени он бросал быстрый взгляд на Чжоу Дафэя и находил его надутую, но упрямо сопящую мину чрезвычайно очаровательной.

— Сделай перерыв, — негромко проговорил Пэй Янь, когда часы пробили восемь вечера. — Нужно поужинать.

— Не хочу, — буркнул Чжоу Дафэй, даже не подняв глаз от листа.

— И как это ты не голоден, если у тебя с самого обеда маковой росинки во рту не было?

Пэй Янь прекрасно понимал, что парень просто измотан морально и из-за предельной концентрации потерял аппетит. Он ласково взъерошил ему волосы.

— Сегодня на ужин тушеные свиные ножки. Попрошу домработницу принести всё прямо сюда.

Чжоу Дафэй на самом деле просто перешагнул через порог острого голода. Стоило подносу с едой оказаться на столике, как он умял изрядную порцию, хотя ел молча и сосредоточенно, явно переваривая в голове какую-то тяжелую думу.

— Понимаешь, почему я так настойчиво требую от тебя раскадровку именно по этому сценарию? — Пэй Янь отставил тарелку — он съел куда меньше своего подопечного — и полистал листы с набросками, которые тот успел сделать за день.

— Ну как же, твой первый урок, — отозвался Чжоу Дафэй.

— Я ведь уже говорил, что изначально этого не планировал, — Пэй Янь достал из шкафа початую бутылку вина и наполнил два бокала. — Понимаешь, режиссеры бывают разные.

Чжоу Дафэй, обладавший отменным аппетитом и крепкими зубами, с тихим стуком отбросил идеально обглоданную косточку на край тарелки.

— Кому-то блестяще дается сама история, кто-то умеет ловить в кадр невероятную эстетику человеческой красоты, у кого-то отлично выходят масштабные батальные сцены, а кто-то бог монтажа и постпродакшена, — Пэй Янь слегка качнул рубиновую жидкость в бокале и вальяжно откинулся на спинку дивана напротив Чжоу Дафэя, закинув ногу на ногу. — Твой же конек, очевидно, сценарий и текст.

Чжоу Дафэй замер. Занесенные над тарелкой палочки опустились, так и не донеся сочный кусок мяса до рта. Он поднял тяжелый взгляд на собеседника.

— Умение выстраивать драматургию — один из фундаментальных навыков для режиссера, так что в этом нет ничего плохого, — голос Пэй Яня звучал размеренно, наставительно, но без капли снисходительности. — Однако из-за этого, когда в твоей голове рождается замысел, ты слишком сильно привязываешься к голому тексту. И когда приходит пора переводить плоские буквы в объемный визуальный ряд, твое воображение пасует.

—...

— Тебе ли не знать, что одна и та же реплика, в зависимости от интонации, мизансцены или мимики актера, может обрести диаметрально противоположные смыслы? — Пэй Янь пододвинул бокал поближе к Чжоу Дафэю. — С режиссурой то же самое. Один и тот же сценарий в руках разных мастеров зазвучит совершенно по-разному. Из него можно выжать уникальный авторский стиль и атмосферу. Я просмотрел твои сегодняшние наброски — они очень неровные. Сцены, которые находят в тебе отклик и пробуждают то самое «творческое горение», выходят великолепными. А вот те эпизоды, к которым у тебя не лежит душа, нарисованы из рук вон плохо — серо, уныло, будто ты делал их исключительно для галочки, чтобы побыстрее от меня отвязаться.

—...

— Я не умаляю твоих талантов, — прямо признал Пэй Янь, — но если твоя цель — стать по-настоящему великим режиссером, у тебя просто не должно остаться слепых зон и слабых мест.

Чжоу Дафэй поставил локти на столик и спрятал лицо в ладонях, храня угрюмое молчание.

Пэй Янь отчетливо осязал исходящее от него глухое сопротивление, но это бунтарство парня его ничуть не злило. Скорее наоборот.

— Учитель, я... — Чжоу Дафэй глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь скрыть досаду. — Я не пытаюсь капризничать на ровном месте. Но мне действительно тяжело работать через силу.

— Если мне не изменяет память, — мягко перебил его Пэй Янь, — когда-то ты называл «Спящий паровозик» откровенной дешевкой.

Чжоу Дафэй растерялся, не понимая, к чему вдруг зашел разговор об этой картине. Немного помедлив, он твердо произнес:

— Я и сейчас так считаю.

—...

Уголки губ Пэй Яня едва заметно дрогнули в легкой усмешке, лицо оставалось безмятежным.

— Раз уж этот фильм вызывает у тебя такое отторжение, ты вряд ли помнишь детали.

— Да, — согласился Чжоу Дафэй. — Я смотрел его всего единожды.

Этот ответ несколько не удивил Пэй Яня. Он молча поднялся, подошел к закрытому шкафчику и достал оттуда увесистую стопку листов.

— Вот сценарий «Спящего паровозика». Слово в слово то, что пошло на экран. Раз ты всё равно с трудом припоминаешь мой визуальный ряд, и раз уж ты считаешь его откровенной халтурой... покажи класс. Сделай свою версию раскадровки.

Чжоу Дафэй слегка нахмурился.

"Плохо помнить" вовсе не означало "забыть напрочь". Он отлично помнил, что уязвимым местом «Спящего паровозика» была сама сценарная основа. Следовательно, винить одного лишь Пэй Яня в провале было несправедливо. Сними эту историю кто-то другой по тому же сценарию — вышло бы в стократ хуже.

Чжоу Дафэй не страдал дешевым тщеславием. Если речь шла о людях, с которыми он не собирался соперничать, или о вещах пустяковых, ему было абсолютно плевать на то, кто окажется победителем.

Однако Пэй Янь прекрасно понимал: Чжоу Дафэй ни за что не согласится уступить ему добровольно. Он дразняще улыбнулся:

— Что, боишься сесть в лужу?

Тот сразу разгадал эту нехитрую провокацию.

— Не стоит утруждаться, — Чжоу Дафэй хладнокровно отодвинул стопку листов обратно. — Я прекрасно знаю, что не смогу превзойти твой вариант. По крайней мере, сейчас. Я признаю, что в раскадровке мне еще не хватает мастерства. Но это никак не отменяет того факта, что сценарий должен быть безупречным. Одно другому не мешает. Какую обертку ни выбери, кино — это прежде всего история. Если в фундаменте пустота, никакая красивая картинка фильм не спасет. Это всё равно что наводить марафет труп. Собственно, как и получилось со «Спящим паровозиком».

Пэй Янь лишь шире улыбнулся, не выказав и тени обиды. Выслушав эту колючую тираду с поистине ангельским терпением, он спокойно произнес:

— Твоя правда. Вот только сейчас тебе нужно думать совершенно о другом.

Чжоу Дафэй ничего не ответил. Он молча потянулся к бокалу и одним глотком осушил его до самого дна.

— Я всё, — буркнул он, отодвигая тарелку.

Вновь воцарилась рабочая атмосфера. Чжоу Дафэй молча придвинул к себе сценарий «Лимонной прохлады», раскрыл его на первой странице и уткнулся в бумагу, заново принимаясь за работу.

— Вообще-то, раскадровка не требует от режиссера навыков профессионального художника, — решил подбодрить его Пэй Янь, — но должен признать, штрих у тебя уверенный. Рисуешь ты отлично.

— Моя мать преподает изобразительное искусство, — коротко бросил Чжоу Дафэй.

— Вот как, — задумчиво протянул Пэй Янь.

Он вдруг поймал себя на мысли, что за всё время их знакомства Сяо Чжоу практически не упоминал семью и никогда не звонил домой. О матери он говорил лишь вскользь, а фигура отца и вовсе оставалась белым пятном, словно этого человека никогда не существовало в его жизни.

— А отец? — полюбопытствовал Пэй Янь. — Тоже педагог?

Грифель карандаша на мгновение замер. На листе бумаги расплылась крошечная жирная точка — этот секундный затык испортил идеальную геометрию кадра, сделав прямую линию слегка ломаной.

Чжоу Дафэй молча довел черту до края и оставил вопрос без ответа.

Пэй Янь не стал лезть в душу. С таким колючим характером Чжоу Дафэя было бы странно, будь он с отцом душа в душу.

Он спокойно сидел рядом, наблюдая, как сосредоточенно скрипит карандашом его ученик, и плеснул ему в бокал еще немного вина. Рубиновая струя с мягким бульканьем потекла из узкого горлышка, плавно огибая стеклянные стенки.

— Не торопись, — мягко проговорил Пэй Янь. — Твоя идея насчет возвращения к истокам юности вполне рабочая. Сейчас тебе просто нужно поймать это ускользающее ощущение.

Перекинуть мостик из собственных воспоминаний о бурной молодости в плосковатый мир «Лимонной прохлады» Чжоу Дафэю так и не удалось. Ему ничего не оставалось, кроме как с глухой ненавистью продолжать неравный бой со сценарием и раскадровкой.

Каждый вечер он приносил свежие наброски на строгий суд наставника. Пэй Янь безжалостно браковал большую часть листов, отправляя их в мусорную корзину, и лишь изредка снисходительно кивал на какую-нибудь особо удачную сцену.

При этом Пэй Янь никогда не разжевывал, как именно нужно ставить кадр. Он лишь очерчивал границы дозволенного, раз за разом повторяя, как делать категорически нельзя.

Чжоу Дафэй не держал на него зла. Он прекрасно понимал, что Пэй Янь не издевается. Творческое обучение всегда походило на блуждание в густом тумане наощупь: наставник может уберечь от падения в пропасть, но протоптать тропинку ученик должен сам, сбивая ноги в кровь.

Он видел, что Пэй Янь взялся за его обучение со всей серьезностью, пусть даже методы и философию мастера он разделял далеко не всегда.

Спустя несколько дней в раскадровках наметился прогресс. Однако радости это не принесло. Чжоу Дафэй отдавал себе отчет: качество выросло лишь за счет наработанной техничности и ремесленных приемов. Сама же история по-прежнему расплзалась по швам, словно гнилая ткань.

Говоря метафорически, он так и не нащупал «пульс» этой истории. Если режиссер сам не

верит в реальность создаваемого им экранного мира и не соперечивает героям, то вдохнуть жизнь в бездушную картинку у него точно не получится.

Как любил говаривать Пэй Янь, слабый сценарий — это данность, но действительно талантливый режиссер обязан вытащить картину за счет собственного уникального видения и переработки материала.

Сяо Чжоу дневал и ночевал над чертежами, выжимая из себя последние соки. За эти дни он так сильно осунулся, что Пэй Янь, обнимая его, с легкой тревогой ловил себя на мысли: ребра мальчишки стали совсем острыми и болезненно врезались в ладони.

Сегодня после ужина Чжоу Дафэй по привычке ушел наверх, в кабинет. Пэй Янь задержался внизу, чтобы уладить кое-какие рабочие вопросы.

Чжоу Дафэй обожал работать прямо на полу. Завершив телефонный разговор и приоткрыв дверь кабинета, Пэй Янь застал его за привычным занятием: парень сидел по-турецки у журнального столика, уткнувшись носом в бумагу. На скрип двери он вскинул голову — лохматый, уставший, похожий на сонного, ласкового щенка.

— Ну как успехи на сегодня? — поинтересовался Пэй Янь, проходя внутрь.

Чжоу Дафэй лишь уныло мотнул головой:

— Скверно.

Пэй Янь опустил на диван. Чжоу Дафэй внезапно осознал, что из-за этой бесконечной гонки за идеальным кадром совсем забросил наставника. Они уже целую вечность нормально не общались и не выказывали друг другу нежности.

«Непорядок», — подумал он.

Заметив на себе его пристальный взгляд, Пэй Янь заговорщически понизил голос:

— Что притих, хороший мой? Выбираешь — поцеловать меня или покрыть матом?

—...

— Ни то, ни другое. Я просто чертовски устал, — вздохнул Чжоу Дафэй. Он придвинулся ближе, устроил голову на коленях мужчины и тяжело прикрыл веки. — Учитель, побудь со мной, пока я немного вздремну. Разбудишь ровно через полчаса, хорошо?

Пэй Янь ласково перебирал его пряди, погружившись в свои мысли.

— Давай на сегодня закончим, — тихо предложил он. — Устрой себе выходной.

— Нет, — упрямо пробормотал Чжоу Дафэй, даже не открывая глаз. — Полчаса — и я снова за работу. Я не так уж сильно хочу спать.

Пэй Янь прекрасно знал это изматывающее состояние — сам когда-то варился в этом адском котле. Неизвестность, творческие муки без гарантии результата — крест, который несет каждый творец. Это естественный процесс. Но когда он смотрел на бледное, осунувшееся лицо Чжоу Дафэя, сердце его невольно сжималось от щемящей нежности.

— Пойдем лучше в домашний кинотеатр, посмотрим что-нибудь вместе, — Пэй Янь легонько сжал его ушную раковину. — Заодно устроим детальный разбор полетов. Я покажу тебе, как правильно раскладывать чужие картины по кадрам.

Покакаровый анализ шедевров кинематографа — это Библия для любого начинающего режиссера. Великие учатся у великих, дотошно препарируя каждую монтажную склейку.

Чжоу Дафэй тут же распахнул глаза.

— Что будем смотреть?

— Выбор за тобой, — улыбнулся Пэй Янь.

— Ну, раз так... — Чжоу Дафэй по привычке прикусил нижнюю губу, прикидывая варианты. В его глазах внезапно вспыхнул озорной, дерзкий огонек. Он посмотрел на мужчину снизу вверх и отчеканил: — Включай «Спящий паровозик».

—...

<http://bllate.org/book/19003/1959875>